

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ИНДО-ПАСИФИКОЙ (Часть II)

Материалы ситуационного анализа

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 25 апреля 2018 <i>Принята к печати:</i> 15 мая 2018</p>	<p>Аннотация: Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует вторую часть материалов ситуационного анализа в форме сценируемого круглого стола, посвященного результатам анализа динамики и современного состояния развития российско-китайских отношений и развития ситуации в АТР. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института Востоковедения РАН, Российского института стратегических исследований (РИСИ), Института политического и военного анализа, Института экономики РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, НИУ ВШЭ, Национального комитета БРИКС. Ведущие российские эксперты обсудили современное состояние и перспективы российско-китайских отношений и эволюцию ситуации в АТР, а также формирование нового функционального Индо-Тихоокеанского региона (Индо-Пасифика), проблемы и перспективы новых региональных проектов в Евразии.</p>
<p>Ключевые слова: Евразия; Россия; Китай; КНР; ЕС; российско-китайские отношения; китайско-российские отношения; китайско-американские отношения; Тихоокеанская Азия; Индо-Пасифика; Азиатско-Тихоокеанский регион; АТР; китайская модель развития; региональные проекты Евразии</p>	

Центр комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России

При поддержке журнала «Сравнительная политика»

Предлагаем вниманию читателей вторую часть материалов ситуационного анализа, проведенного 12 марта 2018 г. в редакции журнала «Сравнительная политика» Центром комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД РФ¹.

¹ Первая часть материалов ситуационного анализа публиковалась в № 3, 2018. Вторая часть публикуется в сокращении. Полная версия ситуационного анализа будет опубликована отдельным изданием, информация о котором будет размещена на страницах журнала «Сравнительная политика», а также на его сайте.

На ситуационном анализе в форме сценируемого круглого стола выступили с докладами и выступлениями, а также представили тексты: Ананьина Кристина Александровна, аспирант МГИМО МИД России; Белокрыцкий Вячеслав Яковлевич, д.и.н., заместитель директора Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Виноградов Андрей Владимирович, д.полит.н., главный научный сотрудник Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН.; Воронцов

Александр Валентинович, к.и.н., доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России, заведующий отделом Кореи и Монголии Института Востоковедения РАН; Воскресенский Алексей Дмитриевич, д.полит.н., Ph.D., директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; Галенович Юрий Михайлович, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН; Горбачева Валерия Олеговна, м.н.с. Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН, Советник Национального комитета по исследованию БРИКС; Дикарев Андрей Дмитриевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; Ефремова Ксения Александровна, к.полит.н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Карпов Михаил Владимирович, к.и.н., доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Киреева Анна Андреевна, к.полит.н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Колдунова Екатерина Валерьевна, к.полит.н. доцент, зам. декана Факультета МО, с.н.с. Центра АСЕАН МГИМО МИД России; Ларин Александр Георгиевич, к.и.н. ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; Ломанов Александр Владимирович, д.и.н., главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России; Румянцев Е.Н., старший научный сотрудник РИСИ; Новосельцев Сергей Александрович, аспирант МГИМО МИД России; Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН; Толорая Георгий Давидович, д.э.н., профессор МГИМО МИД России, заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН, исполнительный директор Национального комитета по исследованию БРИКС; Федоровский Александр Николаевич, д.э.н., заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; Храмчихин Александр Анатольевич, заместитель директора Института политического и военного анализа.

А.Д. Воскресенский. Прежде всего давайте коротко вернемся к некоторым из вопросов, которые мы уже обсуждали, подведем некоторые итоги и обсудим следующую группу вопросов. Обсуждение вопросов, как обычно, будет проходить в свободной форме в русле розданных для ознакомления вопросов, для восприятия удобства вопросы разделены на логические блоки, сценарий ситуационного анализа в форме сценируемого круглого стола роздан участникам, но как и раньше возможно представление какой-либо более развернутой точки зрения по одному или нескольким объединенным вопросам.

Предлагаю обсудить во второй части нашего ситуационного анализа следующие вопросы:

– Станет ли Европа (прежде всего «новая») фактором в развитии РКО в силу заинтересованности европейских стран в китайской Инициативе Пояса и Пути (Один пояс один путь - далее ОПОП)? Есть ли вероятность того, что Китай как экономически сильная держава, заинтересованная в открытости транспортных коридоров через Евразию, будет подталкивать Россию и ЕС к сотрудничеству в китайских интересах? Может ли ОПОП помочь сближению России и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)?

– Как оценить перспективную роль России и Китая в евразийских интеграционных проектах: сопряжение, сотрудничество или соперничество? Каковы возможности осуществления таких проектов в среднесрочной перспективе? Каковы перспективы китайских инвестиций в Россию, ЕАЭС и страны СНГ?

– Станет ли Европа (прежде всего «новая») фактором в развитии РКО в силу заинтересованности европейских стран в китайской инициативе ОПОП? Есть ли вероятность того, что Китай как экономически сильная держава, заинтересованная в открытости транспортных коридоров через Евразию, будет подталкивать Россию и ЕС к сотрудничеству в китайских интересах? Может ли ОПОП помочь сближению России и стран ЦВЕ?

– Если экономического роста в России по-прежнему не будет, а в Китае он продолжится, как это повлияет на содержание РКО в начале 2020-х? Какие инструменты можно использовать для защиты интересов России перед превосходящей ее в 4 раза по ВВП экономикой Китая помимо дипломатического мастерства?

– «Арктическая стратегия» Китая – это для России угроза или шанс на развитие северных территорий?

– Что Китай противопоставит «индо-тихоокеанскому проекту» Запада? Поворот к

АСЕАН? Углубление в Евразию? Какова может быть совместная политика России и Китая в Индо-тихоокеанском регионе? Каковы перспективы китайско-индийских отношений и отношений в треугольнике Россия-Индия-Китай?

– Обсуждение перспектив научно-технического сотрудничества в РКО нередко сопровождается абстрактными рассуждениями о том, что «у Китая нет технологий». Как можно оценить инновационно-технологический потенциал Китая? Что в китайском технологическом потенциале уже есть и что может быть в ближайшем будущем полезным России? Какие могут быть новые сферы научно-технологического сотрудничества? Что мешает такому сотрудничеству? Какие подводные камни оно может встретить на своем пути? Каковы в целом перспективы сотрудничества РФ и КНР в инновационных областях и ВТС?

– Возможно ли трёхстороннее технологические и экономическое сотрудничество России, Китая и Индии?

Давайте приступим к обсуждению обозначенной проблематики.

А.А. Храмчихин. Поправки в Конституцию КНР дают Си Цзиньпину возможность остаться у власти до 2027-28 гг. По-видимому, в Кремле поражаются этим поправкам, во-первых, как примеру для себя, во-вторых, именно как фактору стабильности и предсказуемости. Т.е. принципиальных изменений в российско-китайских отношениях (РКО) не произойдет, но планировать их российской стороне станет проще. Внутренние события в России и Китае никаких предпосылок к новой стадии в РКО не создают и вообще имеют к ним весьма отдаленное отношение. Если в России до сих пор сохраняются завышенные ожидания по отношению к Китаю, то их, видимо, надо относить уже не к сфере политики, а к искаженному восприятию действительности. Что касается нового качества отношений, то теоретически к нему можно перейти когда угодно, но этот переход как-то очень сильно затянулся. Видимо, обе стороны продолжают относиться друг к другу так же, как и раньше. Китай смотрит на Россию как на законную будущую добычу, а Россия рассматривает отношения с Китаем исключительно в контексте отношений с Западом. Если в обеих странах произойдет радикальный пересмотр парадигмы, возможно изменение характера отношений. Но в том-то и проблема, что Россия рассматривает отношения с Китаем

исключительно в контексте отношений с Западом. Это очень грубая, принципиальная ошибка. Сложно сказать, что по этому поводу думают в Пекине, но в Москве никакой пересмотр явно не просматривается. И, к сожалению, нет никаких свидетельств возможного изменения данного подхода.

Скорее всего, в России постараются «не заметить» новую китайскую концепцию «общество судьбы человечества». Несмотря на всю риторику «стратегического партнерства» и «беспрецедентно хороших отношений», Москва крайне ревниво и болезненно относится к любым зарубежным универсалистским идеям. Чтобы не вредить риторике, будет выбрана политика игнорирования китайской концепции, либо комментариев в стиле пустой демагогии «за всё хорошее против всего плохого». Но определенная настроенность в Москве возникнет обязательно.

Китай начал переход в новое геополитическое качество, причем отмена ограничений на срок пребывания одного лица на посту председателя КНР является лишь инструментом этого перехода. Другим инструментом должна стать реализация концепции «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая в последние годы превратилась, по сути, в синоним внешней политики КНР. Концепция «единой судьбы человечества» становится первой после крушения СССР (или даже после прихода к власти в СССР М. Горбачева) универсалистской глобальной идеологической концепцией, альтернативной либерально-демократической концепции Запада. При Мао Цзэдуне Китай тоже предлагал свою идеологическую концепцию – ультралевую, но она была откровенно маргинальной и шансов на успех не имела.

Парадоксальным образом, предлагаемая тоталитарным коммунистическим Китаем концепция выглядит более демократической, чем западная идеология. Суть ее изложил сам Си Цзиньпин: «Мы призываем народы всех стран общими усилиями строить сообщество единой судьбы человечества, создавать чистый и прекрасный мир, где царит долгосрочный мир, всеобщая безопасность, совместное процветание, открытость и инклюзивность. Мы должны уважать друг друга, проводить равноправные консультации, с твердой решимостью отказаться от менталитета холодной войны и политики силы. К межгосударственным отношениям следует применить новые подходы, исходящие из диалога и партнерства, а не конфронтации и блокового мышления. Споры и разногласия должны решаться путем диалога и консультаций. При противостоянии традицион-

ным и нетрадиционным угрозам безопасности следует действовать, учитывая и то, и другое, необходимо выступать против терроризма во всех его формах. Помогая друг другу в общем деле, необходимо стимулировать либерализацию и упрощение процедур в области торговли и инвестиций, продвигать развитие экономической глобализации в направлении большей открытости, инклюзивности, общедоступности, сбалансированности и всеобщего выигрыша. Следует уважать многообразие мировых цивилизаций, необходимо, чтобы совместное существование различных цивилизаций, их взаимные обмены и учеба перевесили чувство превосходства одной цивилизации над другой, их взаимное отчуждение и столкновение. Необходимо дружелюбно относиться к окружающей среде, совместными усилиями реагировать на климатические изменения, эффективно оберегать общий очаг человечества – планету Земля».

Таким образом, Китай никому не предлагает строить коммунизм, он выступает (в отличие от Запада) за свободный выбор пути развития для любой страны. Разумеется, концепция «единой судьбы человечества» выглядит во многом идеалистической, не ясны механизмы ее практической реализации. Но уже понятно, что Китай видит свою особую роль при этой реализации. Как говорится в Пекинской инициативе, «Китай не намерен экспортировать свою модель, но его успешный опыт может подсказать варианты решения проблемы другим странам». В «установочной» статье «Жэньминь жибао» говорится следующее: «Китай будет делиться своим опытом государственного управления со всеми странами мира, для содействия прогрессу человечества. ... За 30 лет политики реформ и открытости, Китай завершил исторический процесс перехода, который занял у развитых стран несколько сотен лет, поднялся на второе место в мире по объему экономики, вызволил из бедности более 700 млн человек. ... При помощи китайской программы и полных китайской мудрости мер по реформированию системы глобального управления, Китай берет на себя большую ответственность в сфере глобального управления». Си Цзиньпин заявил, что «Китай будет продолжать играть роль ответственной державы, активно участвовать в преобразовании и формировании системы глобального управления, постоянно привносить в эту работу китайскую мудрость и китайскую силу. ... Китай ни в коем случае не будет жертвовать интересами других стран ради собственного развития, и ни при каких обстоятельствах не будет отказываться

от своих законных прав и интересов. Пусть никто не мечтает о том, что Китай проглотит горькие плоды последствий ущемления своих интересов. Китайская национальная оборона носит оборонительный характер. Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своем развитии не достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии». Особого внимания заслуживает фраза «пусть никто не мечтает о том, что Китай проглотит горькие плоды последствий ущемления своих интересов».

В связи с ней невозможно не вспомнить, в частности, о теории «несправедливых и неравноправных договоров, навязанных царской Россией Китаю».

По-видимому, в течение некоторого времени концепция «единой судьбы человечества» за пределами Китая будет игнорироваться. Однако Китай будет продвигать ее в характерной для себя градуалистской манере «переходить реку, нащупывая камни». Нет особых сомнений, что идеология пойдет за экономикой (в первую очередь – за ОПОП), т.е. чем глубже Китай проник в экономику какой-либо страны, тем скорее эта страна станет сторонником «единой судьбы человечества». Естественно, в первую очередь это будут страны Африки и наиболее слаборазвитые страны Азии. Вполне привлекательной китайская концепция может показаться и странам Ближнего и Среднего Востока своей «умеренностью и аккуратностью», а, главное – политическим и идеологическим плюрализмом. Весьма активно пойдет проникновение Китая в Восточную Европу, как в формате «16+1», так и в европейскую часть СНГ. Именно здесь произойдет первое прямое столкновение китайской и западной идеологий. Причем в долгосрочном плане исход этого столкновения отнюдь не очевиден.

Нынешняя геополитическая ситуация исключительно благоприятна для Китая, во-первых, из-за жесткой конфронтации между Россией и Западом, во-вторых, из-за кризиса на Ближнем Востоке. «Умиротворяющая» китайская концепция в совокупности с экономическими выгодами от ОПОП может показаться привлекательной очень многим странам, уставшим от конфликтов, в которых они не хотят участвовать. Для Запада «умеренный и аккуратный» Китай выглядит чрезвычайно выигрышно на фоне «агрессивной и непредсказуемой» России, а для России Китай оказывается безальтернативным партнером, поскольку перемирие с Западом исключено (воз-

можно лишь безоговорочная капитуляция, причем «расширенная»).

Более того, для Европы (как Западной, так и Восточной) Китай становится не только носителем очень нужных инвестиций, но и определенным противовесом как США, так и России, позволяющим выйти из крайне тяжелой и утомительной американско-российской дихотомии. Европа не видит в Китае военной угрозы (хотя бы по географическим причинам) и не считает более нужным вести с ним дискуссии по идеологическим вопросам, хотя бы потому, что это бесполезно.

В случае с США ситуация гораздо сложнее, поскольку в Вашингтоне справедливо видят в КНР главного соперника в борьбе за мировую гегемонию. Впрочем, сильным сдерживающим фактором для конфликта между Пекином и Вашингтоном является огромный объем взаимной торговли. При этом Китай явно не хочет прямой и жесткой конфронтации с США, он будет тихо и последовательно «выталкивать» США из Восточного полушария экономическими и политическими методами.

Соответственно, Китай категорически не заинтересован в примирении между Россией и Западом (или даже его отдельными частями), он заинтересован в дальнейшем углублении конфронтации между ними и полноценном восстановлении собственной роли «третьего радующегося», как в годы «холодной войны». Следовательно, Китай ни в коем случае не займет сторону России в ее конфронтации с Западом, как, впрочем, и наоборот. Он продолжит сохранять нынешний фактический нейтралитет. При этом Китай со всех сторон (потенциально даже со стороны Арктики) окружает Россию своими торговыми путями и странами-партнерами.

Россия будет пожирать плоды своей политики бесконечного «вхождения в Запад», для которого «стратегическое партнерство» с Китаем рассматривалось как полезный инструмент давления на Запад. Для усиления этого инструмента Москва стала строить совершенно невозможные геополитические конструкции, основанные на «треугольнике Москва – Дели – Пекин» (конструкции невозможны из-за полной несовместимости Дели и Пекина), что привело к заметному охлаждению отношений с Индией и, соответственно, к утрате возможности строить по-настоящему альтернативную конструкцию, основанную на оси Москва – Дели. В итоге Москва сама себя загнала в жесткую дихотомию Запад–Китай. Ни о каком «вхождении в Запад»

теперь не может быть и речи, соответственно, Россия теперь оказывается в повышенной зависимости от Китая. Единственным сдерживающим фактором для Москвы против Пекина становится возросшая мощь ВС РФ, но этого, к сожалению, недостаточно, особенно в свете не менее значительного роста мощи НОАК. Согласие с китайской концепцией «единой судьбы человечества», по сути, станет официальным согласием Москвы на роль «младшего брата» Пекина и признанием собственной геополитической несостоятельности. Т.е. придется признать, что возник не желаемый Москвой многополярный, а новый вариант биполярного мира, в котором вторым полюсом является уже не Москва. Поэтому Москва постарается как можно дольше «не замечать» китайскую концепцию. Однако до бесконечности делать это будет невозможно. Тем более что Китай продолжит геополитическое окружение России, подобно тому, как он уже фактически завершил геополитическое окружение Индии.

Предложить альтернативную геополитическую концепцию Россия заведомо неспособна, особенно учитывая крайнюю ограниченность ее экономического потенциала. Соответственно, альтернативами капитуляции перед Западом или Китаем становится тесный стратегический союз с Индией и/или «экспорт военной мощи» в какой-либо форме. Осознает ли Москва суть данной ситуации и если да, то как скоро это произойдет и в каком положении к этому моменту окажется Россия – предсказать сейчас совершенно невозможно.

Для того, чтобы защищать интересы России перед превосходящей ее в 4 раза по ВВП экономикой Китая помимо дипломатического мастерства необходимым, но недостаточным условием является радикальное укрепление потенциала ВВО. Как еще Россия может противостоять Китаю? Объективно говоря, не то, что догнать, но хотя бы немного приблизиться к Китаю в сфере экономики Россия может только в том случае, если в Китае случится острый системный кризис.

Конфликт между Западом (не только США) и Россией принял принципиальный и системный характер. Никаких вариантов его разрешения (кроме капитуляции одной из сторон, что крайне маловероятно) ни в каком обозримом будущем нет и не будет. Между Западом и Китаем такого конфликта нет хотя бы из-за огромного объема взаимной торговли. Уже поэтому принципиальное сближение Москвы и Пекина под внешним давлением вряд ли произойдет. Китай продолжит нынешнюю линию постепенной покупки всех оппонентов, причем, скорее всего, он в этом весь-

ма преуспеет. У Москвы таких возможностей нет, поэтому предсказать ее политику даже на ближайшее будущее крайне сложно. Важнейшей линией раздела является Чемпионат мира по футболу в России. В настоящее время Москва является его политическим и экономическим заложником, после его окончания свобода действий для нее значительно расширится.

В решении проблемы Корейского полуострова Россия полностью идет на поводу у Китая. Вопреки собственным национальным интересам, Москва отказывается от роли естественного посредника между Пхеньяном и Сеулом и подыгрывает политике удушения КНДР. И в данном случае не просматривается никаких возможностей, что Москва займет в этом вопросе прагматичную позицию.

Европа и Китай являются друг для друга естественными союзниками или, по крайней мере, партнерами-«противовесами» США и России соответственно. При этом в отношении Европы Пекин проводит всё ту же политику покупки оппонентов (они же партнеры), которая достаточно успешно работает даже в Западной Европе, тем более – в Восточной. Разумеется, посредником между Россией и Восточной Европой Пекин не будет ни при каких обстоятельствах. Наоборот, в данном случае гораздо вероятнее дальнейшее усиление соперничества в форме борьбы за внимание со стороны Китая. До сих пор ОПОП выглядел как проект подчеркнуто антироссийский (т.е. Россия из него почти полностью исключалась). В частности, это относится и к европейскому региону. Т.е. если Европа в контексте ОПОП как-то повлияет на РКО, то, скорее, в сторону их ухудшения, разумеется, не артикулированного.

В Евразийских интеграционных проектах до сих пор имело место только соперничество, настолько очевидное, что о нем иногда открыто говорили даже российские официальные лица. Уже три года «сопрягаются» ЕАЭС и ОПОП, но до сих пор так и неясно, в чем это сопряжение состоит (тем более что изначально эти проекты были, по сути, взаимоисключающими). О перспективах китайских инвестиций, видимо, вопрос надо адресовать в Пекин, поскольку Китай руководствуется исключительно собственными интересами и представлениями.

Станет ли Европа (прежде всего «новая») фактором в развитии РКО в силу заинтересованности европейских стран в китайской Инициативе Пояса и Пути (Один пояс один путь – далее ОПОП)? Есть ли вероятность того, что

Китай как экономически сильная держава, заинтересованная в открытости транспортных коридоров через Евразию, будет подталкивать Россию и ЕС к сотрудничеству в китайских интересах? Может ли ОПОП помочь сближению России и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)?

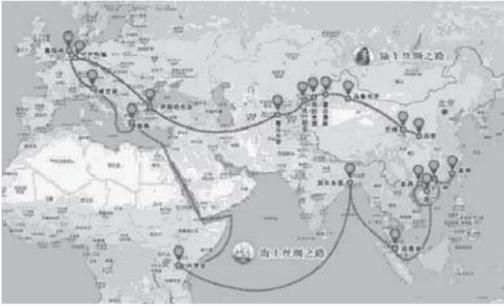
А.А. Дикарев. В последнее время Китай значительно расширил свое военное и экономическое влияние в Восточной Европе, хотя на это мало кто обратил внимание. Западные эксперты (М. Пфайфл), отмечают, что «на кону ключевой регион, от которого Соединенные Штаты зависят как в торговом, так и геополитическом отношении, речь идет о своеобразной буферной зоне, защищающей США от России и Китая», о том, чтобы получить активы в Чехии, Венгрии и Польше, в том числе контракты на строительство атомных электростанций, в частности в Болгарии. Китай настаивает на том, чтобы иметь собственную долю капитала и право на оперативное управление атомной электростанцией в Болгарии. В результате Китаю достанется полный контроль над важнейшей инфраструктурой - в данном случае крупным ядерным объектом. Таким образом, Китай обретает в регионе влияние, сопоставимое разве что с влиянием Москвы во время «холодной войны». Можно согласиться с предположением, что Китай использует геополитическое противостояние России и Соединенных Штатов, чтобы получить в собственность важнейшие составляющие энергетической инфраструктуры и взять над ними контроль. Благодаря этой тактике Китай уже создал себе «энергетический пояс» от Прибалтики до Черного моря: в его ведении находятся ключевые инфраструктурные проекты в Болгарии, Чехии, Польше, Румынии и Словакии.

К примеру, Греция из-за ее напряженных отношений с Евросоюзом и ее приверженности православию на первый взгляд должна сближаться с Россией. Однако она все больше попадает под экономическое влияние Китая, поскольку порт Пирея становится еще одной западной точкой китайской Инициативы Пояса и Пути (ОПОП).

В общем, гипотезу о том, что ОПОП может как-то помочь сближению России и стран ЦВЕ, следует считать маловероятной.

К.А. Ефремова. Европа, безусловно, заинтересована в развитии долгосрочных экономических отношений с Китаем, но Россия, к сожалению, здесь опять остаётся в стороне. Страны Евросоюза хотят вести диалог непосредственно

с Пекином, и им не нужен «посредник», в роли которого хотела бы выступить Россия. Достаточно вспомнить, как долго нас не пускали в АСЕМ (диалоговый форум между ЕС и АСЕАН+3), чтобы понять, что проект ОПОП, скорее всего, будет реализовываться без нашего участия – если, конечно, мы не сумеем сформулировать свою политику и настоять на участии России в этом проекте.

Данная карта наглядно демонстрирует, что планируемая траектория Экономического пояса Шёлкового пути проходит через территории стран Центральной Азии и Среднего Востока (что вполне логично, если соотнести данный маршрут с намерением Китая укрепить свои позиции в этих странах за счёт развития транспортно-логистической инфраструктуры). Не стоит забывать, что у проекта ОПОП, помимо экономической составляющей, есть ещё и очевидный (хотя и не афишируемый) политический подтекст – «привязать» эти страны к Китаю. Россия в данном случае становится не только излишним, но и нежелательным участником китайско-европейской инициативы. Надо отдавать себе в этом отчёт, если мы хотим принять участие в реализации данного проекта.

Что может предложить Россия Китаю и Евросоюзу, чего не могут дать страны Центральной Азии и Среднего Востока, по территории которых проходит планируемый маршрут? В первую очередь, политическую стабильность и единую транспортную инфраструктуру (в тех местах, где она есть). Однако с логистической точки зрения, быстрее и дешевле осуществлять перевозки по маршруту, предложенному китайцами, поскольку (а) протяжённость его будет меньше, чем любого альтернативного маршрута, проложенного по нашей территории; и (б) он проходит в более благоприятной климатической зоне (нет снежных заносов, автомобильные дороги не требуют регулярного ремонта после зимы и т.д.).

Кроме того, не нужно забывать о том, что ОПОП – проект, в первую очередь, политиче-

ский. Поэтому он будет осуществляться так, как в этом заинтересованы его инициаторы. Вопрос заключается в том, как мы сумеем на это повлиять (например, убедить китайских партнёров в целесообразности открытия дополнительного маршрута, проходящего по территории России, – если, конечно, на это согласятся страны Евросоюза). Хотя, на мой взгляд, перспектив полноценного (а не чисто символического) участия России в ОПОП не так уж и много в силу сугубо экономических причин.

А.А. Киреева. У стран ЕС присутствует большая заинтересованность по поводу китайской Инициативы пояса и пути, возможностей участия в китайских проектах и получения китайских инвестиций. Но они выстраивают контакты с Китаем напрямую, и сами по себе не обладают мотивацией поддерживать реализацию того или иного транспортного коридора через Евразию, т.к. у них уже выстроены морские пути доставки грузов. В то же время, у Китая существует несколько вариантов трансконтинентальных транспортных коридоров через Евразию (через Центральную Азию и Россию, через Центральную Азию и Турцию и через Пакистан, Иран и Турцию), и стоимость железнодорожных перевозок через Россию пока остается слишком высокой (примерно в два раза выше, чем по морскому маршруту), чтобы этот транспортный коридор было экономически целесообразно использовать для транзитных потоков. Реализация транзитного транспортного потенциала России как моста через Евразию нужна в первую очередь самой России, и сомнительно, что Китай будет подталкивать Россию и страны Европы к сотрудничеству, если это не будет коммерчески выгодно. Для этого необходимы модернизация российских путей сообщения, покрытие их линиями бесперебойной оптико-волоконной связи и значительные инвестиции в Транссибирскую железнодорожную магистраль, значительная часть которой и должна быть задействована в трансконтинентальном евразийском коридоре из Китая в Европу. В настоящее время, однако, ни Китай, ни страны ЕС не горят желанием вкладывать огромные средства с неясным временем капиталотдачи в Транссиб, а крупномасштабные российские инвестиции затруднены финансовыми трудностями и нехваткой свободных средств.

Более вероятно, что Китай постарается одновременно развивать несколько вариантов транспортных коридоров со входящими в них странами для того, чтобы получить несколько альтернативных маршрута. Ключевой же альтернативный морскому пути через Малаккский про-

лив транспортный коридор, формируемый Китаем в настоящее время, скорее пролегает через китайско-пакистанский экономический коридор и выходит в Индийский океан, далее морским путем до Европы. Хотя в этом вопросе существует значительный потенциал сотрудничества России, Китая и Европы. Для того, чтобы он был реализован, России необходимо осуществить комплексную модернизацию транспортной инфраструктуры, пограничных пунктов, упростить таможенные процедуры и согласовать фитосанитарные требования с партнерами. Некоторые шаги в этом направлении делаются (Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем должно быть подписано в 2018 году), но до полноценной реализации этой стратегии пока далеко.

Аналогичным образом, Китай выстраивает отношения со странами ЦВЕ на двусторонней и многосторонней основе в формате 16+1, первый саммит в рамках которого состоялся в 2012 году в Варшаве и с тех пор проходит каждый год. Ни страны ЦВЕ, ни Китай не высказывают заинтересованность в посредничестве России по вопросам трансрегионального взаимодействия или ее участия в совместных проектах.

Как оценить перспективную роль России и Китая в евразийских интеграционных проектах: сопряжение, сотрудничество или соперничество? Каковы возможности осуществления таких проектов в среднесрочной перспективе? Каковы перспективы китайских инвестиций в Россию, ЕАЭС и страны СНГ?

А.В. Виноградов. Сопряжение – это результат усилий обеих сторон, китайской в том числе. Для России идея сопряжения – это способ сохранить ЕАЭС в качестве самостоятельного проекта и единого экономического субъекта, не позволить ему развалиться под влиянием экономической конъюнктуры. Для Китая ЕАЭС – это пространство «Экономического пояса Шелкового пути», на котором действие экономических законов никто не отменял. Для китайской стороны сопряжение – это ограничение экономических законов политическими решениями и недополученная, упущенная выгода при неочевидной политической целесообразности такого решения. Помимо этого, перенос промышленных мощностей из Китая в Центральную Азию – это важный канал трудоустройства граждан этих государств и изъятие из российской экономики миллионов рабочих рук.

К.А. Ефремова. На мой взгляд, Китаю интересны не столько многосторонние евразийские интеграционные проекты, сколько проекты экономического и политического сотрудничества со странами Центральной Азии на двусторонней основе, где он получает возможность фактически диктовать свои условия более слабым партнерам. Идеи сопряжения ЕАЭС с китайскими инициативами исходят, в первую очередь, от России, которая хочет получить свою долю китайского «инвестиционного пирога» (которую в ином случае она просто не получит). Полноценно соперничать (в хорошем смысле слова) с Китаем в Центральной Азии мы, к сожалению, уже не можем, поскольку не обладаем для этого достаточной финансово-экономической базой. Нам остается предлагать Китаю варианты сотрудничества, которые бы учитывали наши собственные интересы и были бы при этом привлекательны для китайских инвесторов. Важно, что инициатива сотрудничества здесь должна исходить от России, поскольку в противном случае никто наши интересы учитывать не будет. С этой точки зрения, идея сопряжения ЕАЭС и ОПОП представляется очень верной и перспективной. Единственная сложность заключается в том, чтобы не ограничиваться общими декларациями, а досконально проработать её детали.

А.А. Киреева. Сотрудничество и соперничество являются двумя тенденциями, которые определяют отношения России и Китая в евразийских интеграционных процессах. С одной стороны, обе страны заинтересованы в развитии интеграции и экономическом развитии евразийского пространства как залога создания кооперационного порядка в Евразии и стабилизации ситуации в области безопасности. С другой стороны, Россия стремится сохранить и укрепить свою особую роль в Центральной Азии и на постсоветском пространстве как гаранта / «поставщика» безопасности и в качестве центра преференциального экономического блока с помощью ЕАЭС. Усиление экономического сотрудничества со странами Центральной Азии и другими странами ЕАЭС и постсоветского пространства, реализация энергетических проектов и качественное увеличение экономического присутствия являются составляющими китайской стратегии на евразийском пространстве как одного из ключевых регионов при реализации Инициативы пояса и пути. Дилемма для России состояла в том, каким образом реагировать на крупномасштабную китайскую Инициативу Пояса и Пути: противодействовать ей или принять в ней активное участие? Выбор был

сделан в пользу попытки сопряжения как идеи о том, что между повесткой интеграции в рамках ЕАЭС и целями ОПОП существует значительная взаимодополняемость, а упустить возможность получить китайские инвестиции в инфраструктуру, которая нуждается в модернизации, было бы непростительной ошибкой. Таким образом, с российской стороны главная цель состоит в том, чтобы попытаться найти такие формы взаимодействия, которые позволили бы принять участие в китайской инициативе и реализовать совместно с Китаем такие проекты, которые способствовали бы модернизации России и стран-членов ЕАЭС, т.е. развернуть ее в такое русло, которое было бы выгодно России и ее партнерам по ЕАЭС, но вместе с тем не подрывало бы роль России в регионе и не приводило бы к экономическому вытеснению России за счет усиления Китая.

Возможности осуществления в среднесрочной перспективе совместных проектов между Китаем и ЕАЭС, безусловно, есть в целом ряде сфер: логистика и инфраструктура, энергетика, промышленность, сельское хозяйство, финансы, ИКТ, цифровая экономика, сфера услуг, туризм, образование, научно-техническое сотрудничество и т.д. Одной из ключевых проблем является слабая проработка планов и конкретных проектов такого сотрудничества. Кроме этого, необходимо создание базы данных о бизнес-партнерах из всех стран и об уже действующих совместных проектах. Другой сложностью является то, что Китай предпочитает действовать на двухсторонней основе при выстраивании сотрудничества со странами Центральной Азии и постсоветского пространства (например, с Казахстаном, Узбекистаном, Беларуссией, Украиной и т.д.), а многосторонних проектов Китай-ЕАЭС на сегодняшний день фактически нет, либо, если они и осуществляются бизнесом, о них ничего не известно. Примером могут послужить договоренности о сопряжении Экономического Пояса Шелкового пути (ЭПШП) и казахстанской национальной стратегии развития «Нурлы жол» («Светлый путь»), в рамках которого было достигнуто соглашение о переносе в Казахстан 51 китайского производства общей стоимостью \$26,2 млрд Россия же, наоборот, заинтересована в развитии многосторонних проектов, которые не подрывали бы перспективы развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, и в усилении сотрудничества в высокотехнологичных областях, генерирующих большую добавленную стоимость. Шагом на пути к реализации сопряжения должно послужить принятие Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между

ЕАЭС и КНР, которое планируется подписать в 2018 году. Соглашение включает в себя ликвидацию нетарифных барьеров с целью создания условий для беспрепятственного перемещения товаров и услуг, унификацию таможенных стандартов и фитосанитарных норм, вопросы защиты интеллектуальной собственности, отраслевого сотрудничества, электронной торговли. Унификация правил торговли товарами и услугами способна придать стимул экономическому сотрудничеству стран ЕАЭС и Китай, и далее уже от их способности предложить привлекательные и экономически целесообразные проекты зависят перспективы осуществления совместных инициатив.

Перспективы инвестиций Китая в страны ЕАЭС, Россию и СНГ зависят от экономической структуры, инвестиционного климата и внешнеэкономических интересов Китая. Наиболее вероятно, что Китай продолжит осуществление проектов со странами ЕАЭС в тех сферах, в которых сотрудничество уже налажено – энергетика, горно-металлургический комплекс, нефтехимия, инфраструктура, агропром, машиностроение, легкая промышленность, производство стройматериалов и информационные технологии. С другой стороны, структурные различия экономики России и центральноазиатских партнеров предопределяют невозможность применения Китаем в России той же модели, в соответствии с которой осуществляются инвестиции в Центральную Азию, т.е. инвестиций в энергетику, логистику с большой ролью китайских компаний при выполнении проектов, вынос производств в различных секторах экономики (включая металлургию и производство цемента и других стройматериалов), продажа китайских информационных технологий. В Китае плохо понимают, какие проекты можно было бы реализовать с Россией, среднеразвитой страной с отдельными высокоразвитыми сегментами экономики, структурно отличной от развивающихся азиатских стран, в которые в основном идут китайские инвестиции в рамках ОПОП. А в России в свою очередь, декларируя необходимость привлечения китайских инвестиций для создания высокотехнологичных производств, присутствует достаточно слабое понимание, что может заинтересовать китайских контрагентов и в каких сферах. Китайские инвестиции в российскую экономику, наиболее вероятно, будут постепенно расширяться, в различных сферах, но без целенаправленной государственной поддержки и создания условий для стимулирования китайской деловой активности в конкретных секторах экономики вряд ли стоит

надеяться на крупномасштабное увеличение в среднесрочной перспективе.

А.Г. Ларин. Помимо реально существующего ЕАЭС (при всех сложностях внутри него) мы имеем два евразийских интеграционных проекта: ОПОП и Большое Евразийское партнерство (БЕП). Первый проект, имея локомотивом Китай, активно реализуется. Он представляет собой совокупность совместных двусторонних проектов, в которых участниками являются Китай как спонсор (поставщик инвестиций, кредитов, оборудования, технологий, рабочей силы и т.д.) и его зарубежный партнер.

Кроме того, по инициативе России осуществляется «сопряжение» ОПОП–ЕАЭС, состоящее, опять-таки, из эпизодов двустороннего сотрудничества Китая с членами ЕАЭС плюс диалог Китай–ЕАЭС в целом. Содержание диалога является относительно узким: это – совершенствование регулятивных мер и подготовка торгового соглашения. Высшей целью сопряжения объявлено давно уже лоббируемое Пекином и согласованное с Россией создание зоны свободной торговли между Китаем и ЕАЭС, однако фактически перспективы создания ЗСТ пока не просматриваются, что объясняется ее заведомой невыгодностью для стран ЕАЭС. Ценность идеи «сопряжения» для России состоит в том, что позволяет ей не просто присоединиться к китайскому проекту ОПОП, но выступать в качестве одного из равноправных лидеров евразийской интеграции.

БЕП – российский проект, пока – чисто виртуальный, хотя ЕАЭС (или его сопряжение с ОПОП) можно при желании рассматривать как его зародыш. Если считать основными сферами БЕП энергетическое, цифровое и образовательное пространства (или какие-нибудь другие), то наиболее реальным представляется энергетическое, обеспеченное наличием у России больших запасов энергоресурсов, однако, оно требует гигантских инвестиций всех его участников. А чтобы дать толчок строительству всех других «пространств» (в том числе образовательного и цифрового), у России нет не только капиталов, но и вообще никакой сколько-нибудь солидной базы. Следовательно, БЕПу суждено оставаться бумажным проектом.

Китай относится к идее БЕП достаточно сдержанно, поскольку она фактически выступает в качестве конкурента проекту ОПОП. Формально Пекин признает ее, но фактически сосредотачивает все свои усилия на реализации собственного проекта ОПОП, который рассматривает как один из столпов своей внешнеполитической стра-

тегии. Попытки России построить такую схему, которая включала бы ОПОП в БЕП, не встречаются у Китая отклика и обречены на неудачу. Реальное значение идеи БЕП состоит лишь в том, что он является статусным проектом, выдвижение которого (как и идеи «сопряжения») дает возможность России «держаться на плаву» – претендовать на роль одного из самостоятельных идеологических центров евразийской интеграции.

В реальности ход евразийской интеграции определяется прежде всего направлением и размерами китайских инвестиций. К сожалению, Россия не обладает достаточной привлекательностью для китайского (как и другого иностранного) капитала вследствие известных дефектов ее экономики. В то же время Китай находит возможности для экспорта капитала и технологий в страны ЦА (Казахстан), тем самым создавая в ЕАЭС неблагоприятные для России центробежные тенденции.

В.Я. Портяков. В Китае весьма серьезно относятся к ЕАЭС, поскольку единые правила прохождения товаров извне прямо затрагивают торговлю КНР с членами Евразийского экономического союза.

Интеграционный потенциал Китая сегодня выше, чем у стран ЕАЭС, но и продвигаемые им модели интеграции имеют больший масштаб и носят иной характер, чем у российских проектов. Так что при частичном сопряжении конкретно с ЕАЭС возможно и соперничество данного формата с форматами, патронируемыми Китаем (РСЕР, зона свободной торговли АТЭС, двусторонние зоны свободной торговли).

«Арктическая стратегия» Китая – это для России угроза или шанс на развитие северных территорий?

К.А. Ефремова. «Большая стратегия» Китая, направленная на пересмотр международного правового статуса Арктики, превращение арктических территорий в «общечеловеческое достояние», безусловно, идёт вразрез с национальными интересами России. Вместе с тем, проект трансатлантической железной дороги, соединяющей Китай, Россию, США и Канаду, в случае его реализации может приносить нашей стране определённую прибыль. То же самое касается и возможного участия Китая в модификации инфраструктуры и развитии коммерческого судоходства по Северному морскому пути. Эти два арктических проекта Китая не реализуемы без участия нашей страны, поэтому здесь, в от-

личие от планов по созданию Экономического Пояса Шёлкового Пути, мы можем ставить китайцам свои условия. Однако прежде, чем начинать подобное сотрудничество, необходимо иметь детально проработанную национальную стратегию по развитию северных территорий, в которой бы чётко фиксировались потенциальная роль и права иностранных инвесторов. Нужно понять, насколько нам самим необходимо китайское присутствие в Арктике и где проходит «красная линия», за которую наши партнёры не должны переходить. И, разумеется, мы должны иметь инструменты влияния, позволяющие разрешать неизбежно возникающие споры и обеспечивать реализацию наших собственных интересов в Арктике.

В.Я. Портяков. В настоящее время Россия рассчитывает привлечь китайское содействие к обустройству Северного морского пути. В последующем вполне возможно изменение позиционирования сторон в свете более четкого обновленного формулирования Китаем своих интересов в Арктике.

Что Китай противопоставит «Индо-тихоокеанскому проекту»? Поворот к АСЕАН? Углубление в Евразию? Какова может быть совместная политика России и Китая в Индо-тихоокеанском регионе (Индо-Пасифике)? Каковы перспективы китайско-индийских отношений и отношений в треугольнике Россия-Индия-Китай? Каковы особенности индийско-китайских отношений в Индийском океане? Сказывается ли их динамика на связях России с этими странами?

Е.А. Канаев. Перспектива формирования Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) вызывает как обеспокоенность руководства Китая, так и осознание им конкурентных преимуществ собственного проекта КНР – Инициативы пояса и пути (ОПОП).

Из факторов обеспокоенности основные таковы. Китай рассматривает проект ИТР как антикитайскую инициативу, нацеленную на сдерживание КНР на морях. С этой точки зрения важно то обстоятельство, что участниками Четырехстороннего оборонного формата (*Quadrilateral Defense Cooperation, Quad*) – единственного на сегодняшний день института формирования ИТР – являются США, их союзники в АТР Япония и Австралия, а также Индия, развивающая военное и политическое сотрудничество с Вашингтоном. Фактор Индии особенно важен для Китая, принимая во внимание то обстоятельство,

что индийские эксперты уже призвали к созданию Организации договора безопасности ИТР (Indo-Pacific Treaty Organization), цель которого – сплотить участников ИТР на антикитайской основе².

Китай не исключает, что в проекте ИТР может быть тем или иным образом вовлечен Тайвань. Пекин увязывает такое развитие событий расширением связей Вашингтона с Тайбэем и перспективой новых поставок Тайваню американских вооружений.

Наконец, Китай не питает иллюзий: проект ИТР вызовет новую эскалацию его противоречий с США по проблеме Южно-Китайского моря, географически расположенного в центре будущей Индо-Пасифики. При этом не исключена перспектива присоединения участников Четырехстороннего оборонного формата к Операциям по обеспечению свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations, FONOP*), проводимым Вашингтоном в Южно-Китайском море.

С другой стороны, Китай осознает: его собственный проект – Инициатива пояса и пути – гораздо более конкурентоспособен по сравнению с ИТР. Причина очевидна: запустив нарратив об ИТР, США и их союзники не проработали его базовые параметры. На сегодняшний день отсутствует экономическая повестка сотрудничества: между странами, граничащими с Тихим и с Индийским океаном, нет производственно-технологических связей наподобие японоцентричной модели «гусиного клина», существовавшей в Восточной Азии в 1960-1990-е годы. Соответственно, тихоокеанское и Индо-океанское пространства не покрыты соглашениями о свободной торговле.

Не прояснена инфраструктурная составляющая ИТР. В Меморандуме о взаимопонимании между Японским банком по международному сотрудничеству и Корпорацией зарубежных частных инвестиций (США), подписанным в ноябре 2017 года³, содержатся лишь общие положения и нет ответа на ключевой вопрос: в каких объемах

² Kapila, S. Indo Pacific Treaty Organisation Emerges Asia Security Imperative in End-2017 / South Asia Analysis Group. No. 6325. 5 December, 2017. Mode of access: // <http://www.southasiaanalysis.org/node/2234>

³ Memorandum of Understanding on Cooperation between Japan Bank for International Cooperation and Overseas Private Investment Corporation. November 2017 / The Overseas Private Investment Corporation (OPIC). Mode of access: https://www.opic.gov/sites/default/files/files/JBIC_MOU.PDF

будет осуществляться финансирование инфраструктурных проектов, и будет ли оно увязано с политическими требованиями. В какой мере инфраструктурную повестку может продвигать развитие Азиатско-африканского коридора роста именно с финансовой точки зрения, тоже пока неясно. В глазах азиатских стран это обстоятельство значительно снижает ценность участия в формировании ИТР по сравнению с подключением к инициативе ИПП, которая уже работает и – как, например, в случае с Пакистаном – приносит партнеру КНР по ИПП ощутимую коммерческую отдачу.

Единственный момент, имеющий отношение к экономическому сотрудничеству в ИТР, связан с морскими перевозками. С этой точки зрения от внимания Китая едва ли укрылись некоторые нюансы энергетической политики США. По оценкам Управления информации по энергетике США (*US Energy Information Administration*) к 2022 году США станут нетто-экспортером энергоресурсов⁴, а по данным Международного агентства по энергетике (*International Energy Agency*) в следующем десятилетии США будут обеспечивать более 80% прироста мирового предложения нефти⁵. В последние несколько лет индийские энергетические компании инвестировали значительные средства в разработку сланцевого газа в США, а в октябре 2017 года США осуществили первую за последние сорок лет поставку сырой нефти в Индию. Тогда же Вашингтон и Токио озвучили планы о сотрудничестве в расширении поставок американского СПГ в азиатские страны⁶, а несколько ранее США и Австралия объявили о возможности формирования стратегического партнерства в сфере энергетики в ИТР⁷. Эти факты вкуче с тональностью приня-

тых США документов и озвученных заявлений об ИТР, скорее всего, подтолкнули Китай к выводу: сверхзадача формирования ИТР заключается не столько в давлении на КНР, сколько в том, чтобы при помощи антикитайской риторики создать политические условия для расширения американских поставок энергоносителей в государства-участники Четырехстороннего формата, получив коммерческую прибыль.

На сегодняшний день отсутствуют институты формирования ИТР. АСЕАНОцентричные диалоговые площадки – АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС – для этого не подходят: они включают Китай и ни декларативно, ни фактически не ставят перед собой задачу оказывать на него давление. Новые институты, нацеленные на решение именно этой задачи и объединяющие большое количество стран Тихого и Индийского океанов, быстро созданы не будут: в них не войдут большинство стран Юго-Восточной и Южной Азии. Их руководство едва ли питает иллюзии: Китай будет инвестировать в их экономики только в условиях сохранения, а в идеале укрепления, дружественных политических отношений.

Наконец, от внимания Китая едва ли укрылись разные акценты в позициях участников Четырехстороннего формата после его заседания в ноябре 2017 г. Например, Индия воздержалась от упоминания о свободе судоходства, уважении международного права и укрепления безопасности на морях⁸. Это объяснимо, если учесть, что позиция Индии по вопросам передвижения иностранных военных судов через Исключительные экономические зоны государств ближе к китайской, чем к американской. Термин «Четырехсторонний формат» прозвучал в заявлении лишь США и Австралии⁹, а Япония, которая,

⁴ Robust Energy Production Growth Coupled with Relatively Flat US Demand Support Net Energy Exports in EIA's AEO2018 / US Energy Information Administration. 6 February, 2018. Mode of access: <https://www.eia.gov/pressroom/releases/press453.php>

⁵ US to Account for Most World Oil Output Growth over 10 Years: IEA // *Reuters*. 16 November, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-oil-iea-birol/u-s-to-account-for-most-world-oil-output-growth-over-10-years-iea-idUSKBN1DG1XP>

⁶ US Looking to Japan for Help in Boosting LNG Exports to Asia / *Asahi Shimbun*. 18 October, 2017. Mode of access: // <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201710180043.html>

⁷ Strengthening Ties between Australia and the USA. Prime Minister of Australia. Media Release. 24 February, 2018. Mode of access: //

<https://www.pm.gov.au/media/strengthening-ties-between-australia-and-usa>

⁸ India-Australia-Japan-U.S. Consultations on Indo-Pacific. Government of India. Ministry of External Affairs. 12 November, 2017. Mode of access: <http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29110/IndiaAustraliaJapanUS+Consultations+on+IndoPacific+November+12+2017>

⁹ Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific / US Department of State. 12 November, 2017. Mode of access: // <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/11/275464.htm>; Australia-India-Japan-United States Consultations on the Indo-Pacific / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 12 November, 2017. Mode of access: <http://dfat.gov.au/news/media/Pages/aus-india-japan-us-consultations-on-the-indo-pacific.aspx>

как предполагается, возьмет на себя основную часть финансирования инфраструктуры в будущем ИТР, не упомянула термин «наращивание взаимосвязей»¹⁰.

Тем не менее, нынешняя турбулентность мировой политики подталкивает Китай снизить, а в идеале устранить, вероятность развития событий в неблагоприятном для его интересов ключе. Отсюда – нацеленность Пекина на выстраивание евразийской системы безопасности, частью которой станет азиатско-тихоокеанская безопасность, замыкая ее на себе. Увязывая категории «развитие» и «безопасность», Китай позиционирует американские альянсы как подрывающие условия для развития АТР (развитие Китая дает импульс развитию региона. То, что в военном сотрудничестве между США и их союзниками в АТР, явно или скрыто присутствует антикитайская составляющая, заставляет КНР уделять больше внимания развитию своих вооруженных сил в ущерб развитию экономики с мультиплицирующим эффектом для соседних стран). Одновременно АСЕАНцентричные переговорные структуры позиционируются Китаем как недееспособные с точки зрения укрепления азиатско-тихоокеанской безопасности (обсуждение угроз безопасности ведется уже длительное время, однако ни одна из них не разрешена). Согласно этой логике, только Китай реально, а не декларативно, способствует укреплению безопасности азиатско-тихоокеанской, а в перспективе евразийской, безопасности, за счет инвестиций в инфраструктуру тех стран, у которых нет для этого собственных ресурсов, тем самым расширяя возможности их развития.

Идеологически это подкрепляется принципом взаимности при выстраивании сотрудничества, под чем Китай понимает уважение его интересов как условие выделения денег, а дискурсом руководства КНР о «сообществе общей судьбы». В практическом плане Китай стремится юридически оформить де-факто складывающиеся в его пользу ситуации. Показательный пример – его предложения странам АСЕАН провести военноморские маневры в Южно-Китайском море. Если они состоятся, а следовательно будут зафиксированы так, как это принято в международной практике военного сотрудничества, произойдет легитимизация строительства НОАК искусственных участков суши на архипелаге Спратли.

¹⁰ Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 12 November, 2017. Mode of access: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001789.html

О том, что такая тактика приносит результат, свидетельствует пример Филиппин. Президент Р. Дутерте не скрывает стремления вывести за рамки диалога с Китаем проблему Южно-Китайского моря¹¹. Филиппины как председатель АСЕАН в 2017 г. сыграли не последнюю роль в том, что в год пятидесятилетия АСЕАН и пятидесятилетия Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море не состоялось ее замены на Кодекс поведения. Причина кроется в стремлении Филиппин присоединиться к Инициативе пояса и пути, интегрировав ее с национальным планом развития инфраструктуры, для чего целесообразно обострять спорные вопросы в отношениях с Китаем.

Оценивая последствия китайской политики в отношении Индо-Тихоокеанского региона для интересов Российской Федерации, можно отметить их двойственный характер. С одной стороны, повысится мотивация Китая развивать сотрудничество на пространстве Большой Евразии, в чем Россия заинтересована с точки зрения как повышения значимости ЕАЭС в мировой экономике и политике, так и коммерческой отдачи от Инициативы пояса и пути. С другой – Пекин может поставить вопрос о политической поддержке его Москвой на тех направлениях, где это не отвечает ее интересам. В числе таких вопросов: новые маневры Китая с Россией в акватории Южно-Китайского моря, совпадение взглядов КНР и РФ/ЕАЭС на развитие ЭПШП в целом (а это в том числе Экономический коридор Китай-Пакистан, вызывающий обеспокоенность и одновременно крайнее раздражение Индии). Тем самым возможности российской политики на азиатско-тихоокеанском направлении сузятся, в то время как практические результаты сопряжения ЭПШП с ЕАЭС, учитывая как противоречия внутри Союза и неразвитость инфраструктуры входящих в него государств, так и то обстоятельство, что интересы многих участников ЕАЭС не тождественны интересам Китая, – могут оказаться далеки от ожидаемых.

В.Я. Белокреницкий. Постараюсь ответить на некоторые из обозначенных вопросов. Они касаются отношений между Китаем и Индией и трехсторонних связей с участием России. На мой

¹¹ См., например: Mogato, M. Duterte Says China's Xi Threatened War if Philippines Drills for Oil // *Reuters*. 19 May, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-philippines-china/duterte-says-chinas-xi-threatened-war-if-philippines-drills-for-oil-idUSKCN18F1DJ>

взгляд, перспективы глубокого и интенсивного сотрудничества между двумя азиатскими гигантами (Китаем и Индией) не просматриваются. Разумеется, можно надеяться на общее потепление геополитического климата в мире, которое распространится и на весь азиатский континент, включая Восточную и Южную Азию, Центральную Европу, а также примыкающие к материку пространства Тихого и Индийского океанов. Но, как известно, надежды в политике, как и в жизни, часто подводят, поэтому реальнее смотреть на будущее китайско-индийских взаимосвязей через призму конкуренции, не исключая элементов сотрудничества. И это весьма оптимистичный сценарий, которому противостоит вариант острой конкуренции, чреватый погранично-территориальными конфликтами, точечными столкновениями на границе и на морях, угрозами для нормальных межгосударственных отношений и т.п.

В чем, как представляется, истоки противоречий между Китаем и Индией? Их можно разбить на три группы. Первая, касается символической власти или фактора мягкой силы. Дело в том, что Китайская Народная Республика и Республика Индия с исторической точки зрения почти одновременно достигли фазы экономического подъема и относительного процветания. Китайская экономика начала с более низкого старта в конце 1970-х годов, но спурт ее, исключительно быстрый, продолжается уже почти 40 лет. Экономика Индии стартовала немного позже, с начала 1990-х годов, но в последние годы по темпам роста по существу догнала китайскую. Индийская экономическая модель долгое время характеризовалась как импортозамещающая. В нынешнем столетии экспорт Индии растет много быстрее, и ее доля в мировом торговом обороте увеличилась втрое до 1.6.-1.7%. Однако индийская экономика и ныне в большей мере зависит от внутреннего, а не от внешнего рынка.

Соответственно несколько различна их геополитическая устремленность. Китай «парит в облаках» мировой политики, Индия более ориентирована «на землю», на регион своего традиционного культурного и политического влияния.

Индия с момента получения независимости в 1947 г. стремилась утвердить себя в качестве бесспорного гегемона в южной части Азии. Этому мешала ее экономическая отсталость, средние темпы роста в 1950-80-х годах и вызов со стороны Пакистана, «окружавшего» ее поначалу с запада и востока. Препятствием была и геополитическая установка Англии и США на сохранение равновесия между Индией и Пакистаном в южноази-

атском регионе, проистекавшая, по-видимому, отчасти из опасений возможного просоветского, и шире, прокоммунистического уклона в индийской политике.

Индийский успех, однако, нельзя считать полным из-за «нависания» Китая над Южной Азией. Оно проявляется по периметру сухопутных границ Индии с юго-востока до северо-запада региона и в ареале морских коммуникаций, охватывающих северную акваторию Индийского океана.

Вторая группа факторов коренится в погранично-территориальных спорах и конфликтах, которые усугубляются условиями высокогорья (Гималаи) и огромной по площади горной страны (Тибет), занимающими промежуточное буферное положение между аграрно-урбанистическими плотнонаселенными областями обоих государств.

Сотрудничество с Пакистаном для Китая стало возможным после того, как тот осенью 2001 г. совершил поворот на 180 градусов в вопросе о власти талибов в Афганистане и террористической деятельности Аль-Каиды. За 2002-2006 гг. объем китайско-пакистанской торговли вырос примерно в пять раз, многократно увеличились китайские инвестиции в экономику Пакистана. Серьезное практическое и символическое значение имело участие Китая в сооружении первой очереди глубоководного порта Гвадар, расположенного близ границы с Ираном и в примерно в 400 км от входа в Персидский залив. За четыре года китайские госкорпорации потратили около 400 млн долл. США (далее – долл.) на строительство нового порта и шоссейной магистрали, ведущей от него в Карачи. Оттуда пролегают пути на север до Исламабада и по построенному в 1970-е годы высокогорному Каракорумскому шоссе до Синьцзяна. Неспokoйная политическая обстановка на юго-западе Пакистана и политический кризис, охвативший страну в 2007-2008 гг., заставили Пекин отказаться на время от участия во второй фазе строительства Гвадарского порта. Но в начале 2013 г. Китай, уже при новом руководстве страны во главе с Си Цзиньпином, вновь заявил о своей заинтересованности в сооружении Гвадара. В следующем году было объявлено о проекте Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), соединяющего СУАР с Гвадаром, и началось его выполнение. В апреле 2015 г. обеими сторонами был одобрен план по осуществлению широкомасштабного проекта. Определенная по нему общая сумма инвестиций равнялась 46 млрд долл. План предусматривает

участие китайских корпораций (финансовое, организационное, экспертное и трудовое). К 2017 г., когда план КПЭК был окончательно утвержден обеими сторонами, его стоимость возросла до 62 млрд долл. Основную часть средств предоставляет Китай в форме беспроцентных займов Пакистану. План включает в себя несколько основных составляющих – развитие транспортной инфраструктуры, сети железных и шоссейных дорог, прокладываемых по левому и правому берегу стержневой для Пакистана реки Инд. Река имеет истоки в Гималаях на территории КНР и пересекает территорию бывшего княжества Джамму и Кашмир, контроль за которой с 1947 г. оспаривают Индия и Пакистан.

Таким образом, в отношениях между Индией и Китаем преобладают черты соперничества, которые стороны стараются смягчить вследствие заинтересованности в развитии взаимовыгодных экономических связей. Помимо ставки на Пакистан, раздражающей Индию, Китай борется с ней за влияние в Непале, Шри Ланке и на Мальдивах. Индия ищет свою контриггу, опираясь все более активно в глобальном плане на США, а в мезорегиональном на Иран, Израиль и Саудовскую Аравию.

В глобальной и макрорегиональной перспективе Индия, без сомнения, заинтересована в России. Москва при этом также находится в поисках контригги, сталкиваясь с усиливающимся давлением со стороны Запада. Она не может всецело полагаться на тесные взаимосвязи с Китаем, а потому столь важны для нее такие многосторонние контакты и проекты, как РИК и ШОС. На Среднем Востоке (в старом понимании этого термина как меридианного в составе Средней Азии и Индостана) Москва стремится расширять контакты с Пакистаном и Афганистаном. При этом она заинтересована в улучшении пакистано-индийских отношений и не раз предлагала выступить в роли арбитра или посредника в их спорах.

А.Д. Дикарев. Разумеется, продвижение и укрепление «нового консенсуса» с АСЕАН при приоритетной опоре на «друзей» (Камбоджа, Лаос).

Никакой «совместной политики России и Китая» в этом регионе быть не может, кроме абстрактного «сотрудничества по поддержанию мира на море». Конкретно же речь может идти разве что об осторожном участии изредка в учениях ВМС Китая в регионе.

Китайско-индийские отношения сильно зависят от активности Китая в ЮКМ, пограничные

проблемы – занимают второстепенное место. Китай в соответствии с традициями «статус-кво» и «двух дорожек сотрудничества» – склонен откладывать решение на неопределенное время, замораживая спорные вопросы, по ходу дела постоянно говоря об «укреплении доверия».

Никакого треугольника Россия-Индия-Китай не просматривается, в лучшем случае будет идти долгая притирка позиций, возможно в формате ШОС, но как конкретно может развиваться трехстороннее сотрудничество, учитывая возрастающую внешнеполитическую активность Индии при Н. Моди, в том числе в Южной и Юго-восточной Азии – пока совершенно непонятно.

К.А. Ефремова. Я бы не стала однозначно утверждать, что Индо-Тихоокеанский проект (Индо-Пасифика) инспирирован Западом. Скорее, идея создания индийско-японско-австралийского альянса отражает реальную озабоченность крупнейших региональных держав относительно военно-политических амбиций набирающего силу Китая. Это альянс не наступательный, а оборонительный; он нацелен, в первую очередь, на защиту национальных интересов Индии, Японии и Австралии от возможных «посягательств» со стороны Пекина. Думаю, что Китай его просто проигнорирует, поскольку ни одна из этих стран пока не угрожает китайским стратегическим планам напрямую.

Попытки «тройки» (или «четвёрки», если учитывать США) создать альтернативу ОПОП, призванную снизить зависимость стран Индо-Тихоокеанского региона от экономического и политического влияния Китая, пока что находятся в зачаточном состоянии, и мне сомнительно, что в ближайшем будущем они будут реализованы на практике. Ни Индия, ни Япония, ни Австралия, взятые вместе или поодиночке, не смогут заставить Пекин отказаться от проекта ОПОП. Максимум, что могут сделать эти страны, – это «разбавить» китайские инвестиции в странах «Шёлкового пути» японской официальной помощью развитию, чтобы не дать Китаю приобрести решающее преимущество за счёт установления единоличного контроля над стратегически важными трансконтинентальными торговыми путями. То есть их политика будет, скорее, реактивной, нежели инициативной.

Однако дальнейшее оформление индийско-японско-австралийского альянса опасно тем, что оно может привести к нарастанию индийско-китайских противоречий вплоть до распада БРИКС – политического объединения, с которым у России связаны большие ожидания. Чтобы

этого не произошло, необходимо укреплять отношения с Индией, убеждая её в целесообразности сохранения данного формата сотрудничества. Вместе с тем, нужно понимать, что Россия не сможет предоставить Индии технологии того же уровня, что США или Япония; кроме того, на внешнею политику этой страны влияет наличие большой индийской диаспоры в США и Австралии. Поэтому России придётся действовать в условиях жёсткой конкуренции.

Максимум, на чём мы можем сыграть – это на нежелании Индии выступать в роли младшего партнёра США. Но проблема заключается в том, что союз Индии с Японией и Австралией – это альянс равноправных партнёров, поэтому убедить Индию в том, что сотрудничество с Россией и Китаем в рамках БРИКС для неё выгоднее, будет проблематично. Мы, безусловно, можем поддерживать стремление Индии стать постоянным членом Совбеза ООН, но здесь, опять же, нет гарантии, что в своём новом качестве Индия будет проводить пророссийскую политику. Надежды на то, что в условиях западных санкций мы сможем опереться на наших азиатских партнёров, довольно слабые, поскольку ни одна из крупных азиатских держав не готова ради нас обострять отношения с Вашингтоном.

Что же касается совместной политики России и Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, то проведение такой политики было бы, на мой взгляд, стратегической ошибкой. Наоборот, нам надо максимально дистанцироваться от китайских (довольно сомнительных с точки зрения международного права) инициатив в Южно-Китайском море, если мы не хотим потерять своих стратегических союзников – Индию и страны АСЕАН. Я бы предложила в качестве дополнения к российско-китайским военноморским учениям (которые не должны выходить за пределы Жёлтого моря!) развивать совместные учения по линии МО и МЧС со странами АСЕАН, так как это позволило бы (1) регулярно демонстрировать наш флаг в Индийском и Тихом океанах; (2) наполнить реальным содержанием российско-асеановское сотрудничество; и (3) не антагонизировать Индию, Австралию и другие региональные державы.

Китайско-индийские отношения – это отдельная, очень деликатная и болезненная тема. Здесь России нужно скрупулёзно соблюдать строгий нейтралитет и равноудалённость, ни в коем случае не давая нашим партнёрам повода думать, что мы заняли чью-то сторону. Максимум, что может сделать Россия – это выступить

в качестве посредника, если обе стороны её об этом попросят. И, безусловно, нужно продолжать развивать сотрудничество по линии БРИКС.

М.В. Карпов. Китайским ответом будет в той или иной мере как попытка поворота к АСЕАН, так и усиление финансово-экономического проникновения в Евразию (за исключением, вероятно, России по отмеченным выше причинам). Стратегические цели российской политики в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте китайской политики в этом регионе, с моей точки зрения, должны состоять в минимизации возможностей обострения американо-китайской конфронтации. РФ – в идеале – должна играть здесь роль «третьей сдерживающей силы» между Пекином и Вашингтоном. Китайско-индийские отношения в краткосрочной и среднесрочной перспективе, как и прежде, будут характеризоваться факторами сотрудничества и противостояния. Отношения в треугольнике Россия-Индия-Китай продолжат развитие преимущественно на двусторонней основе. Плотного «стратегического сопряжения» ожидать не приходится.

А.А. Киреева. Китай уже противопоставляет свою макро- и трансрегиональную Инициативу Пояса и Пути, объединяющую в себе Евразию, Юго-Восточную и Южную Азию, Ближний Восток, Африку и Европу, «Индо-Тихоокеанскому проекту» Запада. Китайская инициатива должна служить реализации экономических, внешнеэкономических и внешнеполитических целей Китая, в частности, создать пояс государств, проводящих дружественную по отношению к Китаю экономическую и внешнюю политику, способствовать расширению его влияния и позволить ему занять позиции державы-доминанта в Азии. Индо-Тихоокеанский регион объединяет стратегическое пространство двух океанов – Тихого и Индийского, и ключевой идеей США и Японии является объединить демократические страны для построения порядка, основанного на международном праве, подкрепить принцип свободы судоходства, и не допустить изменения Китаем регионального порядка и занятия доминирующих позиций. Об экономическом наполнении этой концепции пока говорить преждевременно, и единственной инициативой на этом направлении можно считать японскую Инициативу создания высококачественной инфраструктуры.

Россия пока не сформулирована официальной позиции по поводу политики в Индо-Тихоокеанском регионе, но, если судить по политике в Восточной и Южной Азии, то Россия будет стремиться развивать отношения с разно-

бразным партнерами и поддерживать стратегическое партнерство с Китаем, Индией и Вьетнамом, занимать нейтральную позицию в территориальных спорах и конфликтах с участием своих стратегических партнеров. Данная политика призвана обеспечить усиление России в Азии как самостоятельного игрока, стремящегося представлять собой один из центров силы в формирующемся полицентричном порядке. Координация и проведение совместной политики России и Китая, например в конфликте в Южно-Китайском море, представляется крайне опасным, т.к. оно поставит под сомнение стратегическое партнерство с Вьетнамом, а в Индийском океане – с Индией. В условиях чрезмерной чувствительности Японии ко всему, что происходит с участием Китая в Восточно-Китайском море, любые совместные действия с Китаем способны подорвать и без того хрупкой процесс российско-японского сближения. В интересах России было бы обеспечить, чтобы российско-индийское стратегическое партнерство гарантировало бы, что формат Quad в составе США, Японии, Индии и Австралии не был бы направлен на противодействие России и подрыву и без того ее слабых позиций в Азии. Совместные действия с Китаем против Quad, равно как и против Китая, будут контрпродуктивными для России. Для выработки оптимального внешнеполитического курса на этом направлении России необходимо на экспертном уровне повысить уровень осмысления процессов, происходящих на Индо-Тихоокеанском пространстве.

С.В. Новосельцев. Хотелось бы высказаться по вопросу российско-китайских отношений в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ). Во втором десятилетии XXI века российско-китайское стратегическое партнерство, как не раз подчеркивалось на самом высоком уровне, демонстрирует впечатляющую динамику практически во всех областях. Не является исключением и взаимодействие во внешнеполитической сфере, основанное на принципах равноправия, взаимной выгоды и неприятия любого вмешательства во внутренние дела или давления извне.

Эксперты нередко отмечают схожесть положения КНР и РФ на международной арене: оба государства, являющиеся безусловными лидерами в своих регионах и имеющие существенное влияние в мире, а также обладающие большой территорией, многочисленным населением, мощным экономическим и военным потенциалом, отчасти схожей политической, социокультурной и ценностной системой, исторически противо-

стоят сложившемуся в конце прошлого столетия западоцентричному однополярному мировому порядку.

В то же время, несмотря на периодически возникающий в печати тезис о якобы сложившемся российско-китайском военно-политическом союзе (стал особенно актуальным после воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г., вызвавшего в западных научных кругах стойкие аналогии с китайскими притязаниями в Южно-Китайском море), вопрос о сотрудничестве в таком формате на двусторонней повестке не стоит. Формальное оформление союзнических отношений не выгодно ни одной стороне: Россия таким образом даст странам Запада хороший повод для дальнейшего расширения НАТО к своим границам, Китай потеряет моральное право критиковать военное усиление США и их союзников в АТР.

При этом, если в крымском вопросе Пекин фактически ограничился лишь негласной поддержкой Москвы, в практическом плане выраженной в голосах против резолюции ГА ООН о правах человека в Крыму и Севастополе в 2016 и 2017 гг. (примечательно, что Вьетнам – второй стратегический партнер России в регионе Южно-Китайского моря – в ходе обоих голосований воздержался), с российскими интересами в ЮКМ с учетом китайских притязаний и характера двусторонних отношений ситуация обстоит сложнее.

Если рассматривать ситуацию в Южно-Китайском море как серию территориальных споров из-за суверенитета над Парасельскими островами и архипелагом Спратли или как проблему взаимоотношений между КНР и рядом стран-членов АСЕАН, то неоднократно обозначенная Россией позиция нейтралитета и невмешательства в происходящие там процессы при понимании, что их развитие не угрожает стабильности, миру и безопасности в АТР, представляется единственно верным решением. Одновременно с этим Москва, как и Пекин, неоднократно подчеркивала контрпродуктивность попыток вмешательства нерегиональных сил (прежде всего, Вашингтона) в урегулирование территориальных проблем в ЮКМ.

По всей видимости, кризис отношений с Западом как России, так и, хоть и в меньшей степени, Китая, может создать теоретические предпосылки для дальнейшего сближения позиций двух стран. Некоторые исследователи полагают, что дальнейшее охлаждение российско-американских отношений в будущем даже может вынудить РФ следовать в фарватере китайской политики в Южно-Китайском море.

Потенциальную угрозу невольного втягивания России в политические процессы вокруг ЮКМ на стороне Китая несет и активно продвигаемые обеими сторонами предложения по сопряжению деятельности Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономического пояса Шелкового пути» – составной частью более масштабного проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП). Полноценная реализация ОПОП – по сути альтернативного варианта глобализации – потребует от китайской стороны не только политической воли и дипломатических усилий, но и выработки соответствующего информационного оформления, в котором тема Южно-Китайского моря с учетом ее значимости для Пекина, безусловно, будет занимать одно из ключевых мест.

Вместе с тем в настоящее время КНР сама активно нуждается в политической поддержке своей позиции по ЮКМ. В этой связи показательны попытки ряда авторитетных китайских экспертов рассматривать совместные российско-китайские военно-морские учения в Южно-Китайском море как знак поддержки Россией Китая в его территориальных притязаниях. Тем не менее, как неоднократно подчеркивали в МИД и Минобороны России, цель таких учений – показать пример укрепления доверия между странами региона.

В этом контексте нельзя не отметить и болезненную, пусть и хорошо скрываемую, реакцию Пекина на успешное взаимодействие Москвы с его главным конкурентом в ЮКМ – Ханоем, прежде всего в сфере совместной разработки газовых и нефтяных месторождений на континентальном шельфе в спорных акваториях. С другой стороны, особый характер российско-китайских связей несколько осложняет отношения России со странами-членами АСЕАН, многие из которых стремятся к интернационализации конфликта в Южно-Китайском море, а также видят в США противовес доминированию Китая в регионе.

Таким образом, можно заключить, что в целом Россия занимает рациональную позицию по спорам в Южно-Китайском море и успешно балансирует между укреплением стратегического партнерства с Китаем и развитием всестороннего взаимодействия с «десяткой» АСЕАН. Благодаря последовательному внешнеполитическому курсу Москве удается в тесной координации с Пекином блокировать дальнейшее укрепление позиций США и их союзников в АТР и в то же время воздерживаться от поддержки противоречащих собственным национальным интересам, а ино-

гда и нормам международного права китайских требований (например, признания суверенитета КНР в пределах «девятипунктирной линии»). Параллельно ведется работа по формированию дружественных контактов с асеанцами в т.ч. с целью недопущения безусловного китайского доминирования в ЮВА и АТР в целом.

А.Г. Ларин. Китай может противопоставить и уже противопоставляет «Индо-Тихоокеанскому» проекту Запада свою растущую экономическую и военную мощь и, соответственно, рост своего влияния в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. В результате страны региона стремятся избежать обострения конфронтации с Китаем, и влияние США на эти страны таким образом постепенно нейтрализуется, чего и добивается Пекин.

Россия слишком поглощена своими отношениями с Европой и США и слишком слаба, чтобы активно участвовать в экономических и военных делах Индо-Тихоокеанского региона. Втягивание в эти дела на стороне Пекина ради повышения своей политической роли в регионе явно не отвечает ее интересам. Оптимальной для Москвы является скромная роль, отвечающая ее реальным экономическим возможностям, среди которых значимым компонентом служит торговля оружием. При этом политически нейтральная.

К.А. Ананьина. Нью-Дели рассматривает Индийский океан как свою естественную сферу влияния, ревностно относясь к военно-морскому присутствию здесь внерегиональных игроков. В докладе «Неприсоединение 2.0», подготовленном в 2012 г. ведущими индийскими аналитиками, говорится о необходимости задействовать преимущества полуостровного положения страны. Такая позиция обусловлена великодержавными амбициями, а также воспоминаниями о периоде колониализма и опасениями оказаться в окружении. Указывается, прежде всего, на Китай, стремящийся снизить уязвимость своих морских коммуникаций в Индийском океане путем создания портовой инфраструктуры в прибрежных государствах, в том числе Южной Азии.

В начале 2000-х гг. популярность в прессе приобрел термин «нити жемчуга», впоследствии эта стратегия была оформлена в виде морской ветки китайской инициативы «Один пояс, один путь». Активность Пекина в Индийском океане без оглядки на чувствительность к этому Нью-Дели подталкивает индийцев к модернизации и наращиванию собственных военно-морских сил, а также сближению с Вашингтоном и государствами Юго-Восточной Азии в области безопас-

ности, чтобы сбалансировать присутствие НОАК в регионе.

В основе индийско-китайских противоречий в Индийском океане – расхождения, а зачастую и отсутствие ясности в понимании статуса, роли и намерений друг друга. Решительные действия Пекина в регионе воспринимаются Нью-Дели как грубая попытка «перекроить» традиционные сферы влияния в свою пользу за счет налаживания тесных экономических и военных связей с соседями Индии. Нью-Дели занимает оборонительную позицию, остро реагирует на деятельность китайцев в Индийском океане, рассматривая ее как непосредственную угрозу не только собственной безопасности, но и поддержанию мира и стабильности в регионе, его устойчивому развитию. В частности, в индийской академической среде неоднократно звучала идея о том, что Пекину следует предварительно обсуждать и согласовывать свои транспортные и логистические проекты в Индийском океане с прибрежными странами в широком формате.

Налаживание регулярного диалога между Нью-Дели и Пекином, посвященного Индийскому океану, возможно, позволило бы предотвратить проявления взаимного обструкционизма, наметить модальности и области конструктивного сотрудничества по значимым для всех вопросам, к примеру, борьбы с пиратством и защиты окружающей среды. Наконец, снижение градуса напряженности способствовало бы также более эффективной координации усилий Индии и Китая на таких важных для России площадках, как ООН, БРИКС, ШОС, РИК, «Группа двадцати», ориентированных на выработку новых многосторонних инициатив на основе равноправия, уважения и учета интересов всех участников.

С.И. Лунев. Очень быстрое развитие Индии и Китая с 1990-е гг. привело к их постепенному становлению в качестве самостоятельных центров силы, что существенно меняет конфигурацию всей международной системы. Предложение премьер-министра России Е.М. Примакова в 1998 г. о создании треугольника Россия – Индия – Китай свидетельствовало, что начался постепенный разворот РФ в сторону Азии. Запад сам отверг Россию, что вынуждало ее изменять внешнеполитическую линию, стремиться к поиску новых партнеров, в первую очередь, среди крупнейших стран Востока. В 2000 г. было заявлено о «стратегическом партнерстве» России с Индией, а в 2001 г. – с КНР. В Индии нет ясно сформированного отношения к идее треугольника, но интерес к ней совершенно очевиден. Если

первоначально индийские и китайские лидеры весьма холодно восприняли идею Е.М. Примакова, то после начала варварской агрессии НАТО против Югославии и особенно вторжения в Ирак США в 2003 г. трехсторонние отношения активизировались.

До сих пор концепция развития этих связей не получила четкого наполнения, нет ни точного определения масштабов и рамок взаимодействия, ни его направленности. Существуют очень значимые проблемы даже на двустороннем уровне, прежде всего, в китайско-индийских отношениях. Однако есть крайне важные факторы для значительного сближения трех гигантов.

Три крупнейшие страны Евразии объективно не заинтересованы в проведении откровенно антизападного курса. Российские «ястребы», желающие разворота России к прямой конфронтации с Западом, прежде всего с США, по существу ведут дело только к большему сплочению Запада против РФ, что чревато для России очень серьезными последствиями. Китайские власти явно не хотят оказаться в таком положении и до последнего десятилетия проводили крайне осторожный внешнеполитический курс. Не случайно, Китай выступал против иракской войны, но настолько тихо, что его голос практически не был слышан. Индийские власти открыто критиковали США лишь за их политику в отношении Пакистана (и эта критика исчезла в последнее время из-за изменившегося отношения Вашингтона к индийско-пакистанским отношениям) и прямо демонстрируют нежелание бросать какой-либо вызов Соединенным Штатам, продолжая политику балансирования между США, Россией и Китаем.

При этом трех евроазиатских гигантов явно объединяет неприятие формирования однополярного мира, что для них явно неприемлемо. Интересно, что уже в ходе визита в Индию Ли Пэна, премьера Госсовета КНР, в декабре 1991 г. Пекин и Дели публично заявили о необходимости резко активизировать связи в случае наступления гегемонии одной страны в системе международных отношений. Для Индии и Китая сохранение независимости всегда являлось базовой целью, и они не готовы подчиняться внешнему актору. Позиции азиатских гигантов по глобальным вопросам настолько близки, что в отдельные годы при голосовании на Генеральной Ассамблее ООН Индия занимала третье место (среди важных держав мира) по совпадению своих позиций с КНР по всей мирополитической проблематике. На этой основе треугольник трансформировался в БРИКС. Данная организация, крайне недоволь-

ная монопольным положением Запада в мировой политике и особенно экономике, представляет основную глобальную силу, противостоящую превращению мировой системы в монополярную. Именно глобальный уровень, поворачивает страны к сотрудничеству друг с другом, даже в случае наличия крайне проблематичных двусторонних отношений.

Еще один базовый фактор, сближающий три крупнейшие страны Евразии – рост исламистского терроризма и радикализма. Россия и Индия являются наиболее принципиальными борцами с международным терроризмом.

Следует отметить, что у России и Индии (как и у Китая) – одинаковые задачи в отношении Афганистана и Центральной Азии в плане борьбы с мусульманским радикализмом и исламистским терроризмом. Видимо, не случайно, что оба азиатских гиганта всегда твердо поддерживали позицию Москвы по Чечне и давали наиболее позитивные оценки «второй чеченской компании», которые Россия получала от кого-либо в мире. Развитие связей трех стран в плане противодействия распространению терроризма и экстремизма, прежде всего исламского, представляется весьма важным.

Таким образом, в целом фактор исламистского терроризма способствует дальнейшему сближению Китая, России и Индии по вопросам международной безопасности. Однако это необходимо наполнять конкретным содержанием. Во всех заявлениях, посвященных проблеме международной безопасности, отмечается особая роль ШОС. На заседании организации в Уфе в 2015 г. была принята программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016-2018 гг., заменившая предыдущую. При этом реального наполнения совместной деятельности до сих пор нет. Интересно, что текст Программы на русском языке так и не размещен в Интернете. Россия выступила с инициативой о реформировании Региональной антитеррористической структуры ШОС, однако никаких результатов нет. Любопытно, что на официальном сайте РАТС нет никаких документов о деятельности самой организации и ШОС за последние 10 лет.

Крайне привлекательным было бы создание тройственной группы (Китай – Россия – Индия). Учитывая, что главным препятствием этому выступает деятельность Пакистана, в этих целях следовало бы активизировать диалог Пекина с Исламабадом не только в двустороннем, но и в многосторонних форматах, в том числе в рамках

таких площадок, как «Китай – Россия – Пакистан», а также «Диалог Китай – Пакистан – Афганистан», как и ежегодный контртеррористический диалог Китая и Индии.

К факторам, негативно сказывающимся на возможности укрепления треугольника, следует отнести крайнюю заинтересованность азиатских гигантов в дальнейшем расширении технологических и экономических и связей с США и другими странами Севера. Можно заметить, что их ухудшение усиливает тягу двух стран к России, а улучшение – сдерживает развитие двусторонних связей.

Очевидно, что России выгодно как укрепление китайско-индийских связей, что позволит усилить позиции трех стран в отношении США и исламского мира, так и самого треугольника.

В.Я. Портяков. Пятнадцать лет игр и игрищ разных масштабов вокруг треугольника Россия – Индия – Китай показали полную необоснованность надежд на раскручивание данного формата как некоего коллективного «антизапада». Используя китайскую поговорку, скажем, что здесь «не зарыто триста лянов серебра». Китайско-индийские отношения сохраняют сложный и де-факто недружественный характер. Отношения в треугольнике Россия – Индия – Китай не выйдут за рамки ритуальных. Столь же пессимистично оцениваю и перспективу трехстороннего технологического и экономического сотрудничества.

Обсуждение перспектив научно-технического сотрудничества в РКО нередко сопровождается абстрактными рассуждениями о том, что «у Китая нет технологий». Как можно оценить инновационно-технологический потенциал Китая? Что в китайском технологическом потенциале уже есть и что может быть в ближайшем будущем полезным России? Какие могут быть новые сферы научно-технологического сотрудничества? Что мешает такому сотрудничеству? Какие подводные камни оно может встретить на своем пути? Каковы в целом перспективы сотрудничества РФ и КНР в инновационных областях и ВТС?

К.А. Ефремова. Я не специалист в области высоких технологий и не могу квалифицированно ответить на данный вопрос. Но если судить по очевидным китайским достижениям (таким, как полёт человека в космос), технологии у Китая есть. Более того, те усилия, которые целенаправленно прилагает Китай для развития своего научно-образовательного комплекса, свидетельствуют о приоритетности данной сферы

для нескольких поколений китайского руководства. Боюсь ошибиться в своих оценках, но у меня складывается впечатление, что Китай уже перегнал Россию в сфере высоких технологий, и дальше наше отставание будет только нарастать. Проблема заключается в том, что у Китая есть долгосрочная стратегия в области научно-технического развития, а у нас её нет. Технологии нужно либо разрабатывать самим (для чего нужна соответствующая научно-исследовательская и опытно-конструкторская база, а также налаженный механизм по внедрению пилотных разработок в массовое производство), либо покупать за границей (и ещё не факт, что нам их продадут!). Поэтому пока наше государство не начнёт вкладывать сопоставимые с Китаем деньги в науку и образование, мы не сможем существенно продвинуться на данном направлении.

М.В. Карпов. Китай все же не является (пока, по крайней мере) стратегически значимым экспортером технологий. Однако это, разумеется, не значит, что у КНР вообще «нет технологий». Очевидно, возможно определенное российско-китайское технологическое сотрудничество в космической и нефтегазовой сферах. Такому сотрудничеству могут мешать недостаточное качество китайских технологий, замкнутость финансовой системы КНР (отставание реформ в банковской сфере, неконвертируемость юаня по счету движения капиталов и т.д.), проблемы с правами интеллектуальной собственности в КНР. Сотрудничество в инновационных областях и ВТС, вероятно, будет иметь место, однако с учетом вышеперечисленных ограничивающих моментов.

А.А. Киреева. Не вызывает сомнения, что по уровню технологического развития Китай все еще отстает от западных стран и Японии, но по целому ряду технологий Китай уже вплотную приблизился к западным странам за счет «освоения» их технологий. В ряде сфер, например, отдельных сегментах электроники, в особенности в производстве мобильных телефонов, комплектующих для компьютеров, телекоммуникационном оборудовании, производстве возобновляемых источников энергии (в частности, солнечных панелей), информационных технологиях (мобильный контент, электронная коммерция и др.), китайская продукция, пусть во многом и переработанная на основе западных технологий, не всегда полученных легальным путем, является вполне конкурентоспособной и обладает высокой ценовой привлекательностью. В этих сферах, в которых Россия явно отстает как от Запада, так и от Китая, целесообразно создание совместных

предприятий, проведение совместных разработок (research & development), поиск контента для локализации и продвижения на китайском рынке (как, например, мультфильм «Маша и медведь»).

Сотрудничество между Россией и Китаем в инновационной сфере в настоящее время практически полностью отсутствует (за исключением покупки у Китая готовой продукции) и значительно уступает аналогичному с Японией и Республикой Корея. Проблемой является более низкое качество китайских технологий и вопрос о целесообразности замены более качественных западных технологий на менее качественные китайские, а также вопрос о фактическом отсутствии гарантий соблюдения прав интеллектуальной собственности, который предстает одним из главных препятствий на пути совместных разработок в военно-технической сфере. Для того, чтобы реализовать данный потенциал, необходима целенаправленная государственная поддержка для создания совместных инновационных центров и компаний, которые пользовались бы налоговыми и иными льготами, создание платформ по привлечению венчурного капитала и условий для совместной работы (включая помощь в подборе переводчиков, вспомогательного персонала и т.п.), а также популяризация подобных возможностей среди китайского бизнеса, занятого в данных сферах.

А.Г. Ларин. Существует мнение, будто Китай не в состоянии наладить инновационную деятельность в достаточно широких масштабах, которые достигнуты в развитых странах и обеспечивают этим странам технологическое превосходство. Причины этого недостатка сторонники названных взглядов видят, во-первых, в распространенности конфуцианской культуры, которая требует строгого соблюдения иерархических правил и не допускает свободного полета творческой мысли. Во-вторых, в укорененных в КНР традициях образования, делающих упор не на самостоятельность ученика, а на механическое заучивание и некритическое восприятие слов наставника. На наш взгляд, эти факторы действительно имеют место, однако их нельзя считать непреодолимыми.

В настоящее время Китай видит одну из своих первоочередных стратегических задач в наращивании инновационного технологического потенциала как за счет заимствований, так и за счет собственных разработок. Лозунг «превращения Китая из мировой фабрики в мировую лабораторию» подкрепляется реальным широкомасштабным научно-техническим строительством.

В частности, Китай активно осваивает еще не утерянные российские технологии, в том числе

посредством совместного производства сложной технологической продукции (современные самолеты, вертолеты). Примечательно, что с течением времени увеличивается перечень продукции, производство которой в России оказывается затруднительным и которые ей выгоднее закупать у Китая. Российские эксперты строят планы, как с помощью Китая совершить технологический рывок. Но реальные процессы идут в противоположном направлении: рывок с помощью России (а главным образом, с помощью технологически передовых стран) совершает Китай, а Россия увеличивает ассортимент импортируемых товаров, закрепляясь в числе отставших.

Возможно ли трёхстороннее технологические и экономическое сотрудничество России, Китая и Индии?

В.Я. Белокреницкий. Что касается трехстороннего технологического и экономического сотрудничества России, Китая и Индии, то оно в принципе возможно, но ее масштабы, судя по всему, могут быть ограниченными в силу отмеченных выше геополитических причин, а также специальных проблем поиска сфер технико-экономического взаимодействия.

К.А. Ефремова. Думаю, что такое сотрудничество возможно при наличии заинтересованности всех трёх сторон. Если нам по каким-то причинам хочется развивать подобное сотрудничество (а не двустороннее сотрудничество с Индией или Китаем по отдельности), надо, в первую очередь, задуматься над тем, какие проекты были бы интересны нашим партнёрам, учитывая их непростые взаимоотношения (например, создание собственной «Силиконовой долины» или развитие биотехнологий). Вполне возможно, что такие проекты имеет смысл осуществлять по линии БРИКС. Но, опять-таки, развивать трёхстороннее сотрудничество, согласовывая интересы двух весьма непростых партнёров, гораздо сложнее, чем сотрудничество с ними же на двустороннем уровне. Если начинать такие проекты, то необходимо чётко понимать, для чего нам это нужно и что мы готовы сами в них вложить.

Е.В. Колдунова. То, что председатель КНР Си Цзиньпин после поправок в Конституцию КНР получает возможность остаться у власти до 2027-28 гг., представляет в первую очередь фактор стабильности в российско-китайских отношениях в силу ярко выраженного персоналистского измерения этих отношений на высшем политическом уровне. Кроме того, оба государства находятся

в стадии трансформации (хотя и разного свойства), а международная среда становится фактором усложнения этих трансформаций. В связи с этим сохранение у власти в КНР Си Цзиньпина со временем также будет становиться и фактором усложнения российско-китайских отношений, поскольку ставит целый ряд вопросов. В Китае после нескольких последовательных этапов ротации принято решение о несменяемости председателя. По какой причине это решение было принято? Оно было необходимо для обеспечения завершения всех реформ или это результат внутривнутриполитической борьбы? Как будет реализовываться третья стадия реформ в Китае? Будут ли на этой стадии найдены совпадения с вектором политических и экономических трансформаций в России или два государства будут расходиться в своих политических и экономических траекториях?

Период завышенных ожиданий в российско-китайских отношениях скорее всего закончен. Долгосрочное сотрудничество на основе прагматизма и взаимного интереса возможно в первую очередь за счет более комплексного экономического партнерства, а это состояние пока не достигнуто. В России, в особенности среди молодого поколения, существует большой практический интерес к Китаю, но сможет ли он трансформироваться в совместную экономическую деятельность, также остается вопросом. В Китае, в свою очередь, формируется новое поколение ученых, экспертов, предпринимателей, которое иначе относится к России, которое выросло и получило образование, когда Китай по динамике своего экономического развития превосходил Россию, и это поколение иначе воспринимает Россию нежели их старшие коллеги.

«Сообщество судьбы человечества» – попытка предложить универсальную идею, альтернативу США / либеральным ценностям / западноцентричному миропорядку. По логике политика санкций не соответствует этой идее. Следовательно, предложенная Китаем концепция теоретически говорит о типе более справедливых отношений. Однако, пока что не ясно, как будут далее развиваться американо-китайские отношения? Будет ли принята более жесткая позиция в отношении Китая со стороны США в политическом плане или Соединенные Штаты ограничатся риторикой о «несправедливой торговле», ревизионизме в международных делах и ведением торговых войн. Если помимо экономических, последуют и политические шаги (чего пока что, однако, на практике не происходит), то это потенциально может стать фактором сближения России и Китая на более равновесной основе.

Альтернативой Китаю в развитии Дальнего Востока могла бы стать Япония при условии продвижения вопроса о совместном хозяйственном освоении Курильских островов. Однако временной лимит использования этой альтернативы скорее всего ограничен тремя годами последнего срока Синдзо Абэ. Сегментированные альтернативы представляют Южная Корея и отдельные страны Юго-Восточной Азии (Сингапур, Индонезия, Таиланд).

Изменения в китайской официальной идеологии происходят на фоне роста национализма в обеих странах, что на первый взгляд сближает Россию и Китай. Си Цзиньпин постулирует задачу решения проблемы «национального возрождения», риторика В.В. Путина – о том, чтобы, по сути, «вернуть России мощь СССР». Но в случае Китая рост национализма и трансформации идеологии своей предпосылкой имеют экономический подъем, общий рост благосостояния, в случае России он происходит на фоне падения уровня жизни, ухудшения экономической ситуации.

В начале 2020-х гг. в российском внешнеполитическом арсенале скорее всего будут сохраняться военно-стратегические инструменты, позволяющие говорить о том, что в политическом плане Россия остается на равных или даже превосходит Китай несмотря на асимметрию экономических потенциалов. Кроме того, сейчас намечается ряд вызовов для китайской экономической системы. Они связаны с перспективами структурных изменений в мировой экономике (решоринг, роботизация). Решение этих проблем может теоретически сблизить Китай и Россию. С этим может быть связано и развитие научно-технологического сотрудничества двух стран.

В отношении причисления Китая и России к группе «ревизионистский держав» важна будет содержательная реакция США на поправки конституции в Китае. Если она будет сдержанной, то это будет дополнительный аргумент в пользу того, что санкции в отношении России – это «двойные стандарты».

ЕС проявляет явную обеспокоенность избирательной нацеленностью Китая на взаимодействие с восточно-европейскими странами в рамках проекта пояса и пути. Аналогичный аргумент, к слову, высказывается и в отношении России, которая «раскалывает ЕС», выстраивая особые отношения с отдельными странами Евросоюза. В то же время кризис еврозоны и миграционный кризис показывают, что ЕС не готов брать на себя функцию комплексного развития новых членов

союза и одновременно на практике не стремится учитывать их особые интересы, как это произошло в случае с распределением мигрантов. Если Китай возьмет на себя функцию экономической поддержки этих стран, весьма вероятно появление некоторых новых форм сотрудничества. Однако будет ли это фактором сближения России и ЕС остается открытым вопросом. Возможно, фактором сотрудничества России с отдельными центрально и восточно-европейскими странами ЕС, но не ЕС в целом.

Роль России и Китая в евразийских интеграционных проектах можно охарактеризовать как сочетание частичного сотрудничества и конкуренции. При этом в России нет окончательного понимания того, что из реализуемых китайских проектов на территории России в действительности является элементами проекта пояса и пути, а что – нет. Приоритетные для России региональные структуры (ЕАЭС, ШОС) выполняют либо периферийную роль для китайского проекта, как в случае с ЕАЭС, либо могут стать инструментом обеспечения безопасности для проекта пояса и пути, как в случае с ШОС, без гарантированной экономической отдачи от выполнения такой функции.

В отсутствие реальных международных партнеров для развития Северного морского пути «Арктическая стратегия» Китая – скорее шанс для России.

Что Китай противопоставит «Индотихоокеанскому проекту» Запада? Пока что он держит курс на выстраивание более тесных связей внутри Азии и укрепление собственной «центральной роли» в «Азиатской фабрике». В частности, закрепление этой центральной роли происходит за счет позиционирования Китая в качестве конечного сборочного звена, например, в сфере электроники. Например, на территории материкового Китая происходит финальная сборка продукции Apple, компоненты которой поставляются из Малайзии и Таиланда; компоненты для жестких дисков крупнейших в своей отрасли американских компаний Seagate и Western Digital производятся в Таиланде и затем направляются на сборочный завод в Китае и т.д. Такой подход, возможно, позволит Китаю сформулировать политико-экономическую и инфраструктурную версию Восточноазиатского региона, но при этом не оторванную от рынков сбыта в США и Европе, в противовес Индо-Тихоокеанской версии региона с сильным военно-стратегическим компонентом, экономическая составляющая которого до конца не ясна. Несмотря на то, что практическую реализацию этой составляющей, по-видимому,

в рамках Индо-Тихоокеанского региона должна взять на себя Япония, в Юго-Восточной Азии еще не забыт опыт азиатского финансового кризиса 1997 г., когда Япония не смогла оказать массивной помощи странам региона и в результате этого утратила доминантные позиции организатора регионального экономического развития. Сейчас же страны Юго-Восточной Азии скорее всего будут придерживаться своего традиционного подхода на поддержание разумной конкуренции между несколькими игроками (Китаем, Японией и т.д.), нежели сделают ставку на какую-либо одну из сторон.

Скорее всего можно согласиться с мнением британского исследователя Питера Нолана, сформулированного в его книге «Скупает ли Китай мир?» о том, что Китай способен к инновациям, но пока что не к комплексным инновациям. При этом количественные показатели глобального индекса конкурентоспособности (2017-2018) и инновационного индекса Блумберг (2018) размещают Китай на 27-м и 19-м местах соответственно, а Россию – на 28-м и 25-м¹². Первый из упомянутых рейтингов является более комплексным и оценивает конкурентоспособность как набор институтов (в том числе политических) и степень эффективности государственного управления, которые позволяют говорить о высоком уровне производительности экономики. В случае инновационного индекса Блумберг речь идет о наборе конкретных показателей, связанных с расходами на научно-исследовательскую деятельность, производительностью труда, эффективностью образования (долей выпускников инженерных специальностей с высшим образованием в общей численности рабочей силы), концентрацией высокотехнологичных исследовательских предприятий, числом зарегистрированных патентов. В случае индекса Блумберг высокие показатели Китая связаны с эффективностью образования и ростом числа патентов благодаря деятельности ряда компаний, в частности Huawei Technologies. Таким образом, Россия и Китая оказываются сопоставимы (по крайней мере на первый взгляд) по своему инновационно-технологическому потен-

циалу. Для стран, рассматривающих друг друга в качестве стратегических партнеров, совместно входящих в ряд организаций и международных форматов (ШОС, БРИКС, G20) закономерно предположить необходимость сотрудничества и в научно-технологической сфере. К настоящему моменту, однако, понятны некоторые подводные камни такого сотрудничества (проблема обеспечения авторских прав, защита от копирования). Следовательно, как и в экономике в целом, в сфере научно-технологического сотрудничества России и Китаю необходим поиск новой модели взаимодействия, принимающей во внимание интересы каждого из партнеров. Одной из новых сфер такого взаимодействия мог бы стать совместный поиск ответов на вызовы четвертой индустриальной революции.

*Материал к публикации подготовлен
А.Д. Воскресенским*

¹² The U.S. Drops out of the Top 10 in Innovation Ranking / Bloomberg.com. January 23, 2018. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls> (Отметим, однако, что в 2017 г. в инновационном индексе Блумберг Россия опустилась на 14 позиций по сравнению с 2016 г. (как отмечают СМИ, из-за санкций и падения цен на нефть).

**RUSSIAN-CHINESE RELATIONS:
BETWEEN EUROPE AND THE INDO-PACIFIC (PART II)**
Situation Analysis Proceedings

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">25.04.2018</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">15.05.2018</p>	<p>Abstract: The Editorial Board of <i>Comparative Politics Russia</i> publishes the second part of the situational analysis which was held in the form of a roundtable to share the results of the analysis of the dynamics and current state of the development of Russian-Chinese relations and the development of the situation in the Asia-Pacific Region. The researchers of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of Moscow State Institute of International Relations, the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, the Russian Institute for Strategic Studies, the Institute of Political and Military Analysis, the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Primakov Institute of World Economy and International Relations, National Research University Higher School of Economics, National BRICS Committee. Leading Russian experts discussed the current state and prospects of Russian-Chinese relations and the evolution of the situation in the Asia-Pacific region, as well as the formation of a new functional Indo-Pacific region (Indo-Pacific), problems and prospects for new regional projects in Eurasia.</p>
<p>Key words: Eurasia; Russia; China; PRC; EU; Russian-Chinese relations; Sino-Russian relations; Sino-US relations; Pacific Asia; Indo-Pacific; Asia-Pacific; ATP; Chinese development model; regional projects of Eurasia</p>	

*Prepared for publication
by Alexei D. Voskressenski*

Для цитирования: Российско-китайские отношения: между Европой и Индо-Пасификой (Часть II). Материалы ситуационного анализа // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 4. – С. 83-102.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10006

For citation: Rossiisko-kitaiskie otnosheniia: mezhdru Evropoi i Indo-Pasifikoi (Chast' II). Materialy situatsionnogo analiza (Russian-Chinese Relations: Between Europe and the Indo-Pacific (Part II). Situation Analysis Proceedings) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 4, pp. 83-102.

DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10006